

родственных или смежных дисциплин (историки, филологи, психологи, социологи и др.), в силу тех или иных причин выступающие в роли этнографов, редко отдают себе отчет в самой природе проблемы. Иначе говоря: *что* мы делаем (и — главное — *для чего*), занимаясь решением проблемы этноса? Вероятно, цель состоит не в том, чтобы «выявить сущность» (кодифицировать наиболее часто повторяющиеся черты) эмпирических явлений, в повседневном языке именуемых «народами», а в чем-то другом. Ниже мы попытаемся показать, что проблема этноса — это проблема построения некоторого теоретического объекта этнографии.

В качестве предварительного замечания скажем, что термин «этнос» и его семантические эквиваленты в литературе употребляются по крайней мере в трех значениях: 1) в значении 'народ', или указания на определенный класс эмпирических объектов в виде групп людей, выделяемых по признакам культурного отличия; 2) в значении 'отдельная культура', а именно — тех ее аспектов, которые ассоциируются с более общим понятием бесписьменной культуры;* 3) в значении теоретического объекта, представляющего собой абстракцию только одного свойства культуры изменяться во времени и пространстве. Все три значения так или иначе связаны с идеей различия или многообразия человеческой культуры (см. выше).

Проблема указания: имя и дескрипция

Обратимся к опыту других наук, которые, как можно предположить, тоже должны сталкиваться с подобной ситуацией. Мы можем это сделать опосредствованно, пользуясь обобщениями философии науки, особой научной дисциплины, предметом исследования которой выступают научные теории как таковые. В этом ключе данная ситуация связана с необходимостью решать, казалось бы, тривиальный вопрос: существуют ли объекты, знанием о которых является имярек наука, а если существуют, то как они существуют и что собой представляют [Грязнов 1982 : 13]. Таким образом, решая проблему

---

* В этом значении понятие этноса сближается с «идеальным типом» Макса Вебера, приобретая смысл модели конкретного этноса.

определения этноса, ученые фактически говорят о проблеме существования этноса как теоретического объекта.

Философы науки соглашаются с тем, что при «нормальном» течении научной деятельности такой вопрос звучит нон-сенсом. До поры до времени ученые, работающие над решением конкретных задач, ищут и вполне успешно находят ответ на этот вопрос, опираясь исключительно на методы собственной науки. Для этнографов, например, не может быть никаких сомнений в существовании групп людей, называемых арабами, русскими, французами, казаками, тлинкитами, бороро, фульбе, камчадалами *etc.* В известном смысле это звучит разумно. Существование — проблема теоретического знания, ибо в конечном счете речь идет о существовании той или иной конкретной науки с точки зрения оценки ее зрелости: достигла ли она того уровня, когда может считаться теоретической областью знания, или нет. Но, будучи сугубо теоретической, проблема существования объектов исследования возникает не только для философов науки и как раз в те моменты, когда данная наука сталкивается с непреодолимыми препятствиями при решении каких-то конкретных задач.

Тот факт, что проблема существования формулируется чаще всего логиками и философами и поэтому воспринимается работающими учеными как псевдопроблема, не имеющая прямого отношения к конкретному научному знанию, иногда объясняется двойственной природой данной проблемы: внутринаучной и философской (внешней для данной науки) [Грязнов 1982 : 13, 14]. Однако рассматриваемое противоречие можно трактовать не только как следствие двойственности самой проблемы, но и как результат формулировки одной и той же проблемы на двух разных языках, а точнее говоря, на языках, принадлежащих к двум различным уровням познания. Ученые, представляющие конкретные области знания, пользуются объектным языком, философы — метаязыком. Следовательно, для того, чтобы они начали понимать друг друга, необходим перевод с одного языка на другой. При этом скорее всего окажется, что проблема существования ставится (во многом правильно) уже на уровне объектного языка, но затем искажается в результате своего рода «болезни языка». Перифразируя одно из самых известных изречений Макса Мюллера, так называемая проблема этноса «не значит того, что она как будто значит».

В языке конкретной науки нет терминов, которые позволили бы достаточно точно выразить суть возрастающей неудовлетворенности противоречиями в существующей объектной теории. Иными словами, в языке отдельных наук есть свои термины теорий, т. е. описания тех или иных фрагментов реальности, но в нем нет своих терминов для описания самих теорий и связей между ними. Но, пожалуй, главная трудность, с которой сталкивается ученый, решая проблему существования того или иного объекта исследования, — это соблюдение запрета на поиск непосредственного референта данного понятия (теоретического объекта) в материальной действительности [Грязнов 1982 : 21].

Исследователи, как правило, становятся на точку зрения метода дескрипций, позволяющей проводить анализ объектов теории без привлечения идеи о референтах сингулярных терминов [Петров 1977 : 23]. В работах, посвященных проблеме этноса, в роли таких «сингулярных терминов» выступают термины «русские», «поляки», «немцы», «сербы», «казаки», «ирокезы» и т. п., в общем нечто случайное, зависящее от истории индивидуальных интересов исследователя. В целом при решении проблемы указания с помощью представления имени (здесь «этноса») в виде совокупности дескрипций исследователи оставляют за собой право пользоваться сингулярными терминами, заранее принимая их референты как существующие (хотя говорить о тех или иных группах как «этносах» можно только после того, как определено само понятие этноса). Это означает фактическое использование концепции имени в качестве метода решения проблемы указания: «Не спрашивайте, как же я могу идентифицировать этот стол в ином возможном мире, если не исходить из его свойств? У меня в руках стол, я могу показать его, и, когда я спрашиваю, может ли он быть в другой комнате, я, по определению, говорю о нем. Если я говорю о нем, то это именно о нем я говорю. Некоторые свойства предмета могут быть существенными для него, и в этом смысле он не может не обладать ими. Однако эти свойства не используются для идентификации этого предмета в другом возможном мире, ибо в такой идентификации нет нужды, также нет необходимости и в том, чтобы существенные свойства были свойствами, которые используются, чтобы идентифицировать его в действительном мире» [цит по: В. Петров 1977 : 17]. Таким образом, наша задача — подойти к пониманию этноса, не

используя в процессе доказательства ссылки на сингулярные термины. Формально — это задача указания на еще не существующий для нас объект, такой, какой он есть до момента его введения в мир понятий.

В классическом определении С. А. Токарева, этнография — это «наука, изучающая народы, их быт и культуру» [Токарев 1968 : 5]. В данном случае термин «народ», являясь своего рода детерминативом предмета исследования этнографии как дисциплины, одновременно указывает на материальный референт объекта исследования. В работах Ю. В. Бромлея материальным референтом понятия этноса служит «совокупность людей» по некоторым общим признакам. В теории Л. Н. Гумилева, представляющей более сложную систему взглядов, таковым выступает единое «этническое поле», образующее данную группу. Кстати говоря, сам факт переноса акцента в определении этноса с того, что *образуется* (группа людей), на то, что *образует* (принцип внутреннего единства), является существенным шагом к пониманию этноса как абстрактного объекта, если отвлечься от того, что в работах Л. Н. Гумилева этот объект как бы по инерции еще мыслится как эмпирический. Идеализированный объект вводится в науку в виде знака: термина или высказывания, его разумный характер обусловлен свойством знаковой деятельности как таковой. Решение задач средствами знаковой системы (теории) одновременно является способом решения задач вне ее пределов в некоторой содержательной области [Грязнов 1982 : 66, 67]. Косвенным образом признавая это, исследователи говорят о «призрачности» этноса как явления [Байбурин 2003 : 14]. Действительно, этнос — это идеализированный объект, являющийся абстрактным образом конкретных «сгустков» человеческой культуры. Но именно поэтому он является «объектом», а не «предметом» исследования этнографии.

Мы будем исходить из того, что проблема этноса — это не проблема придания недостающей четкости некоторому довольно расплывчатому представлению о «народах», которое дается нам изначально на стадии созерцания в виде множества эмпирических объектов. Это проблема или, лучше сказать, задача *конструирования* объекта исследования этнографии. Отвечая на вопрос, что такое этнос, мы попытаемся ничего не предпринимать заранее, не исключая того, что в конечном итоге этносом может оказаться не «народ», а нечто совершенно иное.

Чтобы приучиться к этой мысли, необходимо еще раз вернуться к С. М. Широкогорову и посмотреть более внимательно, но не на то, какое определение он дает термину «этнос», а на то, как он обосновывает введение в этнографию понятия, соответствующего этому термину. «Вводя новый термин „этнос“, — писал С. М. Широкогоров, — я даю ему определение: этнос есть *группа* людей, говорящих на одном языке, признающих свое единое происхождение, обладающих комплексом обычаев, укладом жизни, хранимых и освящаемых традицией и отличаемых ею от таковых других групп. Это и есть *этническая единица*, — объект науки этнографии» [Широкогоров 1923 : 13]. Ключевой здесь является последняя фраза. Этнос — это *единица* исследования, *объект* этнографии. Судя по этому замечанию, свою задачу С. М. Широкогоров видел не столько в определении уже известного объекта исследования этнографии, сколько в идентификации ранее неизвестного объекта [Белков 1995 : 24]. Для него понятие этноса в некотором не вполне осознаваемом пределе выступало как *абстрактный теоретический объект*, независимо от его конкретного словесного облика (этнос — не этнос, историческая — не историческая общность, социальное — не социальное явление и т. п.).

Этнос и понятие различия

В конечном счете единственное свойство, которое представляет понятие этноса — это свойство «народа» отличаться по своей культуре от других «народов». Хотя в данном случае нам ничто не мешает изменить формулировку и говорить уже не о культурных различиях как свойстве «народа», а просто как о свойстве самой культуры «иметь в себе различие». Здесь культура как абсолютное различие, т. е. мыслимая отвлеченно от любого рода эмпирического объекта, выступает не в виде совокупности конкретных признаков, присущих той или иной группе населения, а в абсолютно чистом виде, что и позволяет использовать этот идеальный объект при исследовании вроде бы совершенно несоразмерных друг другу эмпирических явлений. В противном случае исследователи, изучающие культуру русских и русско-устинцев, вероятно, были бы не в состоянии знать, что занимаются одной и той же наукой. В указанном